
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.953
ББК 67.518.0

А.А. Протасевич
*доктор юридических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Г.Д. Гайков
*Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

МОТИВ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПОДЛЕЖАЩЕ ДОКАЗЫВАНИЮ

В статье рассматривается проблема установления мотивов совершения несовершеннолетними преступлений насильственного характера. Обращается внимание на то, что в большей степени объясняющие поведение несовершеннолетних мотивы совершения таких преступлений устанавливаются не в процессе расследования преступлений, а благодаря криминологическим исследованиям, которые и призваны способствовать эффективности установления субъективной стороны преступления. В связи с объективной сложностью установления мотивов совершения преступлений, которое с точки зрения степени достоверности результата и возможности допущения ошибки менее надежно, чем установление объективной стороны преступления, считаем нецелесообразным включение в ст. 73 УПК РФ данного обстоятельства. В статье отражены такие особенности несовершеннолетних, совершающих насильственные сексуальные преступления, как неразвитость нравственного сознания, импульсивность поведения, низкая способность к рефлексии, а значит, недостаточная готовность к анализу мотивов своего поведения и самоконтролю. Отмечено, что преступления против половой свободы и неприкосновенности, совершенные несовершеннолетними, характеризуются насильственно-эгоистической мотивацией, связанной со стремлением к самоутверждению, повышению собственной значимости путем предельного унижения другого человека, желанием показать власть над жертвой. Предлагается для доказывания субъективной стороны преступления при совершении насильственных действий сексуального характера учитывать факт осознания виновным характера объекта, социальных свойств и фактического характера деяния.

Ключевые слова: преступность; насильственная преступность; преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; преступность несовершеннолетних; мотивация преступных действий; субъективная сторона преступления.

A.A. Protasevich

*Doctor of Law, Professor,
Baikal National University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

G.D. Gajkov

*Baikal National University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

VIOLENT SEX CRIMES MOTIVE AS MENTAL ELEMENT OF CRIME AND FACT TO BE PROVEN

Abstract

The author studies problem of juvenile violent crimes motives determination. The motives of juvenile violent crimes are mostly detected during criminological examination rather than during crime investigation. Criminological examination is aimed at mental element of crime detection. Due to difficulty of crime motives determination which is less reliable than objective aspect of crime determination in terms of results reliability and errors probability, the author supposes that this crime motives determination should not be included into art. 73 of the the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The paper also describes following aspects of adolescent sex offenders: insufficient moral development, behavior impulsivity, low ability for reflection. Therefore adolescent sex offenders are not ready to analyze their behavior motives and self-control. The author also state that sex crimes committed by juvenile offenders have violent egoistic motivation which involves self-actualization, increase of self importance by means of extreme humiliation of others and attempt to show power over victim. The author suggests considering guilty person's consciousness of crime object, its social aspects and the real nature of criminal act. in terms of mental element of sex crime determination.

Key words: crime; violent crime; sex crime; juvenile delinquency; crime motivation; mental element of crime.

Все преступления, ответственность за которые определена статьями гл. 18 УК РФ, содержащей уголовно-правовой запрет на совершение ряда деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности, относятся к преступлениям с формальным составом, т.е. к преступлениям, которые не могут быть совершены с косвенным умыслом, он может быть только прямым. Прямой умысел предполагает осознание совершаемого – более или менее ясное представление как того, что делается, так и того, к каким последствиям приведет предпринимаемое действие [4, с. 143]. Тем не менее в преступлениях с формальным составом психическое отношение субъекта должно быть установлено в отношении не последствий совершенного преступления, а самого деяния. В частности, общественная опасность рассматриваемых действий (ст. 132 УК РФ) выражается в том, что насильственные посягательства направле-

ны на половую свободу и половую неприкосновенность личности [16, с. 15].

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть особенности мотивации совершения несовершеннолетними насильственных преступлений сексуального характера, а также вопрос о возможности или невозможности достоверного установления мотива преступных действий по каждому уголовному делу. Поэтому по отношению к несовершеннолетним вряд ли во всех случаях является справедливым суждение В. Коняхина, утверждающего, что исходя из самой сущности данного преступления ему внутренне присущи только сексуальные мотивы (половое влечение) и цель (стремление удовлетворить половую страсть) [6, с. 9]. Взаимодействие человека со средой обеспечивается, как известно, тремя функциями психики: отражения, отношения и регуляции. Функция отражения обеспечивает человеку ориентировку в действительности,

получение или создание информации о ней. Функция отношения проявляется в субъективной оценке происходящего, на основании которой проявляется инициация активности человека, причем психическая регуляция невозможна без предварительной оценки происходящего (проявления субъективного отношения), вследствие чего возникает побуждение к активности или отказ от нее. Субъект, отражая в сознании происходящее, одновременно выражает к нему свое отношение, оценивает и в соответствии с этой оценкой принимает решение действовать определенным образом [7, с. 10]. Поэтому решение поступать определенным образом принимается субъектом на основе функционирования мотивационной, интеллектуальной и эмоциональной сферы психики. При этом, как считает Л.В. Алексеева, при принятии решения когнитивный компонент в психике должен преобладать. Лишь в этом случае, оправдывая свое предназначение, человек будет «человеком разумным» [3, с. 44, 52].

Несовершеннолетние же зачастую не утруждают себя предварительным анализом последствий сделанного выбора варианта поведения в силу присущих им специфических психологических особенностей, совершают преступные действия, не задумываясь об их последствиях. Как отмечал известный отечественный психолог Н.Д. Левитов, подростки «не любят тратить время на раздумья и колебания, а быстро переходят к делу» [9, с. 357]. Психика подростка, кроме этого, характеризуется незрелостью нервной системы, преобладанием процессов возбуждения над торможением, что внешне проявляется в несдержанности, импульсивности. Поэтому на мотивацию подростка (в том числе и на позицию в ходе расследования преступления) существенное влияние может оказать эмоциональная возбудимость, сопряженная с колебаниями настроения, вспышками раздражительности.

Для несовершеннолетних, совершающих насильственные сексуальные преступления, характерны такие особенности личности, как неразвитость нравственного сознания, импульсивность поведения, низкая способность к рефлексии, а значит, недостаточная готовность к анализу мотивов своего поведения и самоконтролю. Тем не менее сексуальные влечения относятся к тем областям челове-

ского поведения, которые, как правило, поддаются сознательному регулированию и контролю и проявляются чаще всего в результате внутренней недисциплинированности, несдержанности или развращенности. Поэтому, несмотря на то что формирование установок в области сексуальных отношений у несовершеннолетних, как правило, еще не закончено, для лица, достигшего 14-летнего возраста, уже очевидна запрещенность и антисоциальная направленность насильственных действий сексуального характера.

Деятельность человека обычно побуждается не одним мотивом, а несколькими. Это касается и преступного поведения несовершеннолетних, связанного с применением насилия, которое в большинстве своем полимотивно. Так, Г.Г. Шиханцов описывает мотив вымещения, под действием которого «происходит вымещение агрессии, озлобленности на посторонних лицах», мотив замещения, реализуемый посредством снятия напряжения, и мотив мнимого самоутверждения, выражающегося в ложном, извращенном утверждении себя путем унижения, подавления личности других, насилия над ними, гиперкомпенсации» [20, с. 133]. По мнению ученых, занимавшихся исследованием особенностей несовершеннолетних правонарушителей, именно механизм гиперкомпенсации зачастую лежит в основе совершения ими насильственных преступлений. Речь идет о стремлении устранить ощущение мнимой или действительной неполноценности, доказав себе и окружающим, хотя бы и в уродливой антиобщественной форме, сверхценность своей личности (комплекс Герострата). В их суждениях просматривается стремление к самоутверждению, желание показать другим и почувствовать самому свою силу, смелость, бесстрашие, способность к риску [12, с. 15].

Исследователями подростковой насильственной преступности, кроме этого, установлено, что преступления против половой свободы и неприкосновенности, совершенные вменяемыми несовершеннолетними в отношении младших по возрасту или ровесников, заключаются в достаточно глубокой осознанности мотивов, сходных с мотивами взрослых преступников: в преступлениях нередко проявляется не сексуальный мотив, а насильственно-эгоистическая мотивация, связанная со стремлением к самоутверждению, повыше-

нию собственной значимости путем предельного унижения другого человека, желанием показать власть над жертвой. Особенно часто внешне ничем не мотивированная агрессия прослеживается в сексуальных насильственных преступлениях, совершаемых несовершеннолетними в группе.

В меньшей степени несовершеннолетним присущ такой мотив, как месть, желание навредить конкретному человеку, поскольку зачастую между преступником и жертвой отсутствуют длительные социальные связи, порождающие подобные потребности. Тем не менее Е.Ю. Мощицкая отмечает, что данный мотив характерен для насильственного мужеложства, причем месть реализуется таким способом, который особенно сильно унижит жертву, причинит ей значительные страдания [11, с. 17].

Взаимодействие мотивов, определяющих поведение человека в конкретный момент времени, подвержено определенной градации. В.Д. Филимонов указывает, что среди действующих мотивов выделяются: доминирующий – определяющий основной смысл поведения виновного, дополнительный – подкрепляющий смысл его деятельности, защитный – оправдывающий действия субъекта преступления в его собственных глазах, а также мотив, нейтрализующий влияние противостоящих мотивов [19, с. 115–116].

Соглашаясь с приведенным утверждением, все же считаем необходимым сделать некоторые уточнения в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Так, по поводу воздействия на личность защитного мотива необходимо проводить различие между побудительными причинами преступного поведения и его последующей мотивировкой подростком – оправдательными высказываниями по поводу совершенных им действий для убеждения нередко не только других, но и себя в приемлемости своего поступка. Подобные высказывания зачастую не совпадают с действительными мотивами, маскируют их. Как справедливо отмечает Г.А. Аванесов, совпадение мотива и мотивировки наблюдается лишь тогда, когда, во-первых, человек осознает мотивы своего поведения, во-вторых, готов раскрыть их и, в-третьих, открыто признать [1, с. 20].

Психологические защитные механизмы личности, являясь естественными, проявля-

ются еще в раннем детстве, например в виде «он первый начал». Их влияние выражается в том, что они способствуют снижению, нейтрализации либо исключению барьеров нравственно-правового контроля при нарушении социальных, в том числе уголовно-правовых, норм. По данным исследований, проведенных Е.Ю. Мощицкой, многие несовершеннолетние, совершившие половые преступления, почти искренне уверены, что, в сущности, они ни в чем не виноваты или их вина невелика, и переносят ее на иные обстоятельства и особенно на самих потерпевших. Такая оценка постепенно закрепляется в психике несовершеннолетнего, выполняя субъективно-защитную функцию [11, с. 82]. Поэтому реальный мотив преступления и его мотивировка виновным, который зачастую намеренно скрывает свои подлинные побуждения, нередко существенно различаются между собой. Важно то, что защитные механизмы чаще включаются уже после того, как социально неодобряемое, порицаемое поведение имело место, поэтому они в меньшей степени входят в состав мотивов, воздействующих на несовершеннолетних в процессе формирования преступного поведения. Поэтому если речь идет о несовершеннолетних, то может произойти не только подмена понятия «мотивировка» понятием «мотив», но и в ряде случаев и перенос того, что стало после, на то, что было до. Тем не менее отсутствие влияния защитного мотива на поведение личности до и в момент совершения преступления имеет место, поскольку хорошо известно, что аморальный, противоправный поступок, для того чтобы быть совершенным, должен получить внутреннее оправдание, позитивный мотив.

В свою очередь, по поводу выделенных В.Д. Филимоновым нейтрализующих мотивов представляется важным сделать следующее уточнение. Под действием противостоящих мотивов следует понимать знание субъектом социальных требований, предъявляемых к поведению в конкретной ситуации. Другими словами, в случаях когда мотивы поведения вступают в противоречие с объективными возможностями их реализации, с социальной регламентированностью поведения, у недостаточно социализированной личности не происходит ни подавления подобного мотива, ни изыскания социально

допустимых целей деятельности. В то время как одна из основных особенностей успешно социализированной личности в ситуации борьбы мотивов – это способность осуществлять разумный выбор социально одобряемой формы поведения.

Следует отметить, что учеными-психологами подростковый период уже с 13–14 лет характеризуется интенсивным развитием интеллекта и воли личности, которые позволяют соотносить побуждения с социальными нормами, а значит, в этом возрасте интеллектуальное развитие подростков позволяет воспринимать, запоминать, осмысливать информацию, необходимую для действий с «разумением» в практически доступных в этом возрасте сферах деятельности [14, с. 17–18]. При этом, как верно отмечается криминологами, подростки осознают коллизии между «сущим» в их поведении и «должным», между асоциальными поступками и общественными требованиями и, значит, могут нести за содеянное ответственность. Поэтому трактовка несовершеннолетних преступников с элементами «детской» мотивации как не ведавших, что творили, находится в противоречии с их личностной характеристикой [10, с. 202].

Мотивация преступного поведения несовершеннолетних часто связана с объективными условиями социальной среды и отражает характер ситуаций, в которых развивался подросток. В этом отношении неблагополучная семья является криминогенным фактором, продуцирующим противоправное поведение. Семейное окружение определяет нравственное и правовое сознание подростка, при этом низкий уровень правосознания нередко приводит к тому, что подросток ориентируется на нормы поведения, принятые в ближайшем окружении, зачастую носящие открыто криминальный характер. В связи с этим является верным мнение о том, что совершенное преступление – это всегда следствие дефектов социализации подростка, нравственной деформации личности, а не его возрастных особенностей.

Г.Г. Шиханцов указывает на установленное исследованиями обстоятельство, что именно ведущие мотивы совершения преступного деяния чаще всего носят неосознанный характер, в связи с этим во многих случаях преступники не могут вразумитель-

но объяснить, почему совершили преступление, пребывают в полном неведении о том, что двигало ими [20, с. 81]. Так, А.М. Смирнов, высказывая опасения относительно морального облика подрастающего поколения, отмечает, что несовершеннолетние насильники, в принципе не отрицая своей вины в содеянном, не могут объяснить мотивов, побудивших их сделать это, или же «оправдывают» совершенное скукой либо желанием получить новые острые ощущения. Например, в Казани группа лиц, состоящая из трех несовершеннолетних и одного 18-летнего подростка, вечером, будучи в состоянии алкогольного опьянения, встретив возвращавшихся с дискотеки двух несовершеннолетних школьников, решили применить в отношении них насильственные действия сексуального характера. После реализации преступных намерений в целях скрыть следы преступления они жестоким образом с помощью железного прута и деревянной палки убили потерпевших. На допросе насильники и убийцы объяснили свой поступок скукой и незнанием, как провести остаток вечера [15, с. 29–30].

Поскольку мотивация совершения преступления относится к глубинным психическим переживаниям, в большинстве случаев для осознания побудительной причины поступка человеку необходимо обладать способностью к рефлексии (способ мышления, направленный на самопознание), чего вряд ли стоит ожидать от подростков. В связи с этим несовершеннолетние скорее примут предложенное заинтересованным в его участии взрослым (родителем, адвокатом и т.п.) смягчающее вину объяснение своего поступка, чем предпримут анализ причин собственного поведения и откровенное его признание. Как отмечает А.М. Смирнов, практика судебных разбирательств свидетельствует о том, что грамотная адвокатская защита обвиняемого практически всегда ведет к тому, что суд признает наличие обстоятельств, смягчающих вину несовершеннолетнего. Таким обстоятельством чаще всего является так называемый социальный инфантилизм, обусловленный педагогической запущенностью, дефектами воспитания либо прерыванием процессов естественной социализации личности, вызванных изоляцией от общества сверстников в случае, например, продолжительной болезни и т.п., что приводит к отсут-

ствию соответствующего жизненного опыта, навыков социально одобряемого поведения и внутреннего самоконтроля [15, с. 30–31].

Следует отметить, что в большей степени объясняющие поведение несовершеннолетних мотивы совершения преступлений устанавливаются не в процессе расследования преступлений, а благодаря криминологическим исследованиям. При этом целью криминологических исследований является не только изучение причин преступности, но и создание типологий личности преступника, которые, в свою очередь, помогают в расследовании преступлений. Так, посредством осуществляемой криминологами типологизации личности преступника по мотивационным критериям создается своеобразная модель конкретной личности, что существенно облегчает решение ряда практических задач, стоящих перед лицом, ведущим расследование по уголовному делу. Соответствие конкретного, проходящего по данному делу лица уже созданной модели, т.е. определенному типу личности, нередко позволяет сделать высоковероятное предположение о субъективных причинах преступного поведения, поскольку они уже известны как свойственные данному типу личности. Следовательно, становится возможной разработка тактики следствия или отдельных следственных действий исходя из предварительного знания психологии лиц, отнесенных криминологами к определенному типу личности преступника, поскольку лишь имея четкое представление о типичном в явлениях преступности, можно достаточно объективно определить, что представляет собой конкретное лицо, на какие характеристики личности и ее поведения необходимо обращать внимание прежде всего. Однако во всех случаях использования полученных криминологами данных следует учитывать предостережение, данное Г.М. Резником: «Никакое представление об объекте, даже доказавшее свою полезность в каком-либо отношении, нельзя отождествлять с самим объектом» [13, с. 32].

В этом контексте необходимо подчеркнуть, что изучение преступной личности возможно только через ее проявления, т.е. только после того, как деяние личности получит квалификацию преступного, а значит, только после приговора суда. Отсюда вывод: исследованием мотивационной сферы преступников,

в том числе несовершеннолетних, в первую очередь должны заниматься не лица, ведущие производство по уголовному делу, у которых объективно недостаточно для этого времени, а психологи и криминологи. Кроме этого, как отмечается криминологами, «мотивация преступного поведения представляет собой сверхсложный объект», главные методы установления которой – это «кропотливая индивидуальная работа с человеком, пристальное наблюдение» [5, с. 291–303]. Для такой работы необходимо не только время, но и определенная специальная подготовка исследователя. Поэтому для установления подлинного мотива совершения преступления нужно не только продлевать сроки расследования, но и подготавливать соответствующих специалистов, которые, обладая требуемыми знаниями, могли бы вести необходимую для установления истинного мотива преступного поведения «кропотливую индивидуальную работу и пристальное наблюдение».

В связи с этим представляется, что закрепление в ст. 74 УПК РФ такого обстоятельства, подлежащего доказыванию, как мотив совершения преступления, ставит задачи, которые современные средства юридического познания зачастую не позволяют решить и могут превышать реальные возможности субъекта доказывания по уголовному делу. Поэтому сомнительным видится утверждение И.И. Тазина о том, что мотив и цель преступного деяния не только должны подлежать доказыванию наравне с другими обстоятельствами по каждому уголовному делу, но и должны фиксироваться в итоговых процессуальных документах – в обвинительном заключении, приговоре суда (например, по мотиву семейного благополучия с целью незаконного материального обогащения, по мотиву самоутверждения с целью причинения вреда здоровью и пр.) [17, с. 136].

Во-первых, в перечне обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, цель совершения преступления отсутствует.

Во-вторых, как отмечает Г.А. Аванесов, воздействующих на личность «мотивов много, они разные. Вряд ли кто-либо взялся бы за то, чтобы посчитать их общее количество, а тем более назвать их. Об этом даже не надо говорить. Абсолютно нереально» [1, с. 176]. Более того, и глупость может быть мотивом, и если следовать рекомендации И.И. Тазина,

то в итоговом процессуальном документе должно найти отражение, например, следующее: «по глупости, с целью развеять скуку» [2, с. 24].

В-третьих, следует признать, что с точки зрения степени достоверности результата и возможности допущения ошибки доказывание такого элемента субъективной стороны преступления, как мотив его совершения, принципиально менее надежно, чем установление объективной стороны преступления, поскольку в отдельных случаях может быть невозможным установление действительного содержания мотива совершения преступления как неосознаваемого либо сознательно скрываемого личностью.

И, наконец, что еще более важно, ни в одном случае не может быть абсолютно гарантировано отсутствие ошибки в оценке субъектом доказывания мотива совершения преступления. Поэтому представляется, что законодательное закрепление подобных предложений явилось бы бесполезным или даже вредным, так как неизбежно влекло бы значительное количество ошибок. Даже те ученые, которые считают мотив обязательным обстоятельством, подлежащим доказыванию по каждому уголовному делу, признают, что «для социальной оценки определяющим нередко является не сама цель, а средства ее достижения, не сам мотив, а действительные причины его возникновения, обусловленные социально» [18, с. 57], а для этого достаточно установления события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и обстоятельств, характеризующих личность виновного (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), в отношении же несовершеннолетних, кроме этого, условия жизни и воспитания, уровень психического развития (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ) и влияние на несовершеннолетних стар-

ших по возрасту лиц (п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ). В связи с этим возникает вопрос о необходимости включения мотивов совершения преступления в предмет доказывания по каждому уголовному делу.

Представляется, что пределы познания психологии преступного деяния субъектом доказывания по уголовному делу должны быть подчинены принципу целесообразности. А это значит, что мотив преступления обязательно должен устанавливаться, если он:

- является квалифицирующим признаком состава преступления;

- является отягчающим или смягчающим вину обстоятельством (п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и, следовательно, влияет на размер наказания;

- является обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) либо влекущим за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Поскольку каждое из перечисленных обстоятельств имеет самостоятельное закрепление в уголовном и уголовно-процессуальном законах, представляется излишним закрепление мотива в качестве обстоятельства, обязательно подлежащего доказыванию в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Как отмечено В.Н. Кудрявцевым, осуждение виновного лица при половых преступлениях возможно не за удовлетворение половой потребности, а за антиобщественные средства ее удовлетворения [8, с. 66]. Отсюда следует, что для доказывания субъективной стороны преступления при совершении насильственных действий сексуального характера необходимо установить факт осознания виновным характера объекта, социальных свойств и фактического характера деяния, а также желания совершить это деяние.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Г.А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии / Г.А. Аванесов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 303 с.
2. Аванесов Г.А. Мотивационная криминология и базовые мотивы преступного поведения : учеб. пособие / Г.А. Аванесов. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2013. – 184 с.
3. Алексеева Л.В. Юридическая психология : учеб.-метод. комплекс для дистанц. обучения / Л.В. Алексеева. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2001. – 240 с.
4. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная часть / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев, 1903. – 618 с.
5. Клейменов М.П. Профанация криминологии / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 291–303.
6. Коняхин В. Насильственные действия сексуального характера / В. Коняхин // Законность. – 2005. – № 9. – С. 7–9.

7. Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание: гносеологические и логические проблемы / С.В. Корнакова. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 152 с.
8. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1968. – 176 с.
9. Левитов Н.Д. Детская и педагогическая психология / Н.Д. Левитов. – М. : Просвещение, 1964. – 479 с.
10. Личность преступника / авт. кол. : Н.Н. Кондрашков, Н.С. Лейкина, С.С. Степичев и др. ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М. : Юрид. лит., 1975. – 272 с.
11. Мощицкая Е.Ю. Виктимологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних: по материалам Иркутской области : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Мощицкая. – Иркутск, 2004. – 24 с.
12. Ратинов А.Р. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова // Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1979. – С. 44–62.
13. Резник Г.М. Личность преступника: правовое и криминологическое содержание / Г.М. Резник // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы : межвуз. науч. сб. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – С. 29–44.
14. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О.Д. Ситковская. – М. : Зерцало, 1999. – 96 с.
15. Смирнов А.М. Криминологическая характеристика и проблемы противодействия посягательствам несовершеннолетних на половую свободу и (или) половую неприкосновенность личности / А.М. Смирнов // Российский следователь. – 2011. – № 22. – С. 29–31.
16. Соколова И.Ф. Судебно-медицинская экспертиза половой зрелости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Ф. Соколова. – М., 1983. – 18 с.
17. Тазин И.И. Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения / И.И. Тазин // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – Февр. – № 343. – С. 134–136.
18. Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты / С.А. Тарарухин. – М. : Юрид. лит., 1974. – 244 с.
19. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов ; под ред. А.Л. Ременсона. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 214 с.
20. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология : учебник для вузов / Г.Г. Шиханцов ; отв. ред. В.А. Томсинов. – М. : Зерцало, 1998. – 352 с.

REFERENCES

1. Avanesov G.A. 10 Chapters on motivation and motives. In terms of Criminological science. [Avanesov G.A. 10 glav o motivacii i motivah. Cherez prizmu nauki kriminologii]. Moscow, 2012, 303 p.
2. Avanesov G.A. Motivational criminology and basic motives for criminal behavior; educational book. [Avanesov G.A. Motivacionnaja kriminologija i bazovye motivy prestupnogo povedenija : ucheb. posobie]. Moscow, 2013, 184 p.
3. Alekseeva L.V. Legal Psychology: teaching materials for virtual education. [Alekseeva L.V. Juridicheskaja psihologija: ucheb.-metod. kompleks dlja distanc. obuchenija]. Tumen, 2001, 240 p.
4. Belogric-Kotljarevskij L.S. Russian criminal law educational book. General and special parts. [Belogric-Kotljarevskij L.S. Uchebnik russkogo ugovolnogo prava. Obshhaja i Osobennaja chast']. Kiev, 1903, 618 p.
5. Klejmenov M.P. Profanation of Criminology. [Klejmenov M.P. Profanacija kriminologii]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2010, no. 2, pp. 291–303.
6. Konjahin V. Sexual battery. [Konjahin V. Nasil'stvennyye dejstvija seksual'nogo haraktera]. *Zakonnost' – Legal order*, 2005, no. 9, pp. 7–9.
7. Kornakova S.V. Criminally-remedial evidence: gnoseological and logical issues. [Kornakova S.V. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie: gnoseologicheskie i logicheskie problemy]. Moscow, 2010, 152 p.
8. Kudrjavcev V.N. Causation in criminology. [Kudrjavcev V.N. Prichinnost' v kriminologii]. Moscow, 1968, 176 p.
9. Levitov N.D. Child and educational psychology [Levitov N.D. Detskaja i pedagogicheskaja psihologija]. Moscow, 1964, 479 p.
10. Personality of offender. N.N. Kondrashkov, N.S. Lejkina, S.S. Stepichev and others. All-USSR crime prevention measures development and crime reasons research Institute [Lichnost' prestupnika / avt. kol. : N.N. Kondrashkov, N.S. Lejkina, S.S. Stepichev i dr. ; Vsesojuz. in-t po izucheniju prichin i razrabotke mer preduprezhdenija prestupnosti]. Moscow, 1975, 272 p.
11. Moshhickaja E.Ju. Victimological aspects of sexual crimes by juveniles. Based on Irkutsk region data. Author's abstract. [Moshhickaja E.Ju. Viktimologicheskaja harakteristika seksual'nogo nasilija nesovershennoletnih: po materialam Irkutskoj oblasti : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Irkutsk, 2004, 24 p.
12. Ratinov A.R. Psychological defense and self-exculpation in terms of origins of criminal behavior. Collection of scientific papers. [Ratinov A.R. Psihologicheskaja zashhita i samoopravdanie v genezise prestupnogo povedenija. Lichnost' prestupnika kak ob#ekt psihologicheskogo issledovaniya : sb. nauch. tr. / Vsesojuz. in-t po izucheniju prichin i razrabotke mer preduprezhdenija prestupnosti]. Moscow, 1979, pp. 44–62.
13. Reznik G.M. Personality of offender: legal and criminological issues. Interacademic collection of scientific papers. [Reznik G.M. Lichnost' prestupnika: pravovoe i kriminologicheskoe sodержanie. / G.M. Reznik // Lichnost'

prestupnika i ugovolnaja odgovornost'. Pravovye i kriminologicheskie voprosy : mezhvuz. nauch. sb]. Saratov, 1981, pp. 29–44.

14. Sitkovskaja O.D. Psychological commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. [Sitkovskaja O.D. Psihologicheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii]. Moscow, 1999, 96 p.

15. Smirnov A.M. Sex crimes' criminological aspects and problems of counteraction. [Smirnov A.M. Kriminologicheskaja harakteristika i problemy protivodejstvija posjagatel'stvam nesovershennoletnih na polovuju svobodu i (ili) polovuju neprikosnovennost' lichnosti]. *Rossijskij sledovatel' – Russian examining official*, 2011, no. 22, pp. 29–31.

16. Sokolova I.F. Medical examination of sexual maturity. Author's abstract. [Sokolova I.F. Sudebno-medicinskaja jekspertiza polovoj zrelosti : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 1983, 18 p.

17. azin I.I. Procedural remedies of finding and proving criminal behavior motives. [Tazin I.I. Processual'nye sredstva ustanovlenija i dokazyvanija motivacii prestupnogo povedenija]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Bulletin*, 2011, February, no. 343, pp. 134–136.

18. Tararuhin S.A. Criminal behavior. Social and psychological aspects. [Tararuhin S.A. Prestupnoe povedenie. Social'nye i psihologicheskie cherty]. Moscow, 1974, 244 p.

19. Filimonov V.D. Criminological basis of criminal law. Edited by A.L. Remenson. [Filimonov V.D. Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava; pod red. A.L. Remensona]. Tomsk, 1981, 214 p.

20. Shihancov G.G. Legal Psychology: educational book. Edited by V.A. Tomsinov. [Shihancov G.G. Juridicheskaja psihologija : uchebnik dlja vuzov; otv. red. V.A. Tomsinov]. Moscow, 1998, 352 p.

Сведения об авторах

Протасевич Александр Алексеевич – декан судебно-следственного факультета Байкальского государственного университета экономики и права, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: chigrina-ev@isea.ru.

Гайков Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: chigrina-ev@isea.ru.

Information about authors

Protasevich Aleksandr Alekseevich – Faculty Dean of Judicial and Investigative of Baikal National University of Economics and Law, Honoured jurist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: chigrina-ev@isea.ru.

Gajkov Dmitrij Gennad'evich – Post-graduate student of Department of criminalistics and forensic investigation of Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: chigrina-ev@isea.ru.